

DOI: 10.25178/nit.2023.1.4

Статья

Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв.

Шенне Ю. Кужугет

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируется тема отношения тувинцев к земле, которая менялась на протяжении XX–XXI вв. Источниками исследования выступили наиболее характерные произведения тувинской художественной литературы разных лет: романы классика тувинской литературы — Народного писателя Тувы М. Б. Кенин-Лопсана «Чылгычының өө» («Юрта табунщика», 1980), «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки», 1984), «Азаның бичези кончуг» («Младший чертенок», 1989), «Алдын чүрек» («Золотое сердце», 1992), «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка», 2000), а также Народного писателя Тувы Н. Ш. Куулар «Муңгаштаптаан муңчулбас ыр» («Непрегражденная неунывающая песня», 2018).

Встречающиеся в произведениях аспекты, связанные с трактовками земли, которые имеют особенности в связи с определенными историческими событиями, процессами, делятся на три большие темы: связь с землей, тема потерянной земли и новое в представлениях о земле.

Этнограф и писатель М. Б. Кенин-Лопсан показывал представления тувинцев о том, что она священна, что ее надо знать, быть связанным и пр. Он поднимал и вопросы воспитания чувства любви к родным местам, и обязательств человека перед ними. События XX в. сделали для тувинцев остро актуальной тему потери родных земель, насильственного расставания с ней, разрывов связей, что также показывает Кенин-Лопсан.

Н. Ш. Куулар в своем романе показывает жизнь тувинцев уже начала XXI в. Он рассмотрел сразу несколько вопросов: тему забвения родных мест, массовой миграции в Кызыл, ностальгии по Туве в зарубежных поездках, земляческих объединениях студентов и приобретения тувинцами земли.

В работе в подтверждение приводятся цитаты из произведений на тувинском языке с авторскими переводами на русский язык.

Ключевые слова: тувинцы; концепт культуры; родная земля, тувинская литература; художественное средство; Тува; история Тувы

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Кужугет Ш. Ю. Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв. // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 64–79. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>

Кужугет Шенне Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Тел.: +7(923) 388-69-99. Эл. адрес: kuzhuget-sh@mail.ru

KUZHUGET, Shenne Yurevna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Laboratory of Ethnology and Linguoculturology; Head, Department of Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russia. Tel.: +7(923)388-69-99. E-mail: kuzhuget-sh@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3507-3053

Article

Tuvans' attitude towards the earth in the Tuvan literature of the 20th–21st centuries

Shenne Yu. Kuzhuget

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the attitude of the Tuvans to the earth. It was changing throughout the 20th–21st centuries. The sources of the research were the most significant Tuvan fiction works published in different years: novels by the classic Tuvan author, the People's Writer of Tuva M. B. Kenin-Lopsan ("Chylgychynun, oö" / "The Yurt of a Horseherd", 1980; "Kyrgan-avai opei yry" / "Grandmother's Lullaby", 1984; "Azapun, bichezi konchug" / "The Younger Imp", 1989; "Aldyn chыrek" / "The Golden Heart", 1992; "Chitken urug" / "The Disappeared Girl", 2000), as well as a work by the People's Writer of Tuva N. Sh. Kuular ("Mungashtatpaan tuңchulbas yr" / "Uninterrupted Cheerful Song", 2018).

In these literary writings, we can find aspects related to interpretations of the earth. They have different features in connection with certain historical events and processes. These aspects can be divided into three major themes: connection with the earth, the theme of the lost earth and new beliefs about the earth.

The ethnographer and writer M. B. Kenin-Lopsan represented the beliefs of the Tuvans that the earth is sacred and we should acquire knowledge about it and be connected with it, etc. He also raised issues of fostering a sense of love for native places and of our obligations to homeland. As Kenin-Lopsan demonstrates, the events of the 20th century made the topic of the loss of native lands, forced separation from them and breaking ties especially relevant for the Tuvans.

In his novel, N. Sh. Kuular describes the life of the Tuvans in the early 21st century. He covered several issues at once: the topics of the oblivion of native heath, mass migration to Kyzyl, nostalgia for Tuva during foreign trips, fraternal associations of students and acquisition of land by the Tuvans.

The article contains quotations from works in the Tuvan language and the author's translations of them into Russian.

Keywords: Tuvans; concept of culture; native land, Tuvan literature; artistic device; Tuva; history of Tuva

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project "Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)" (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Kuzhuget Sh. Yu. Otnoshenie tuvintsev k zemle v tuvinskoj literature XX–XXI vv. [Tuvans' attitude towards the earth in the Tuvan literature of the 20th–21st centuries]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>

Введение

Повседневная хозяйственная жизнь тувинцев до XX в., преимущественно кочевников-животноводов, проходила в природной среде, поэтому тувинцы чувствовали с ней тесную связь, не мыслили себя вдали от земли, которую считали родной. Понятие *чер* 'земля' (и ее вариант *төрээн чер* 'родная земля') мы рассматриваем как один из важнейших концептов тувинской культуры (Тувинцы. Родные люди, 2022: 83). О значении Родины, которую тувинцы также называли *төрээн чурт* 'родная сторона/страна' писал М. Б. Кенин-Лопсан: «Кижиниң-даа салымы, куштуң-даа салымы бир дөмей, уругларым. Кижидеа төрээн чурттуг, куш-даа төрээн чурттуг. Кижидеа төрел уктуг»¹ — 'Судьба человека и даже птиц одинаковая, мои дети. У человека есть Родина, даже у птиц есть Родина'². То есть *чер* 'земля' или *чурт* 'страна' всегда воспринимались эмоционально, как связанные родственными узами с людьми и чаще всего выступали в словосочетании со словом *төрээн* 'родной'. И родная земля/страна наряду с родным языком (*төрээн дылы*) и родными, близкими людьми (*төрел чону*) считалась одним из трех камней очага (*ожук*), т. е. святынями жизни тувинцев (Кенин-Лопсан, 2006: 153).

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. (На тув. яз.).

² Переводы на русский язык там, где не указан авторский перевод, выполнены нами. — III. К.

XX век изменил условия жизни тувинцев, в том числе многие из них получили образование, новые профессии, оставили традиционные занятия своих предков, переехали в села, города (Ламажаа, 2021с: 124–125). Как менялось отношение к родной земле у тувинцев за это время и до сегодняшнего дня? Одним из главных выразителей этнической культуры, мировоззрения этноса общепризнанно является художественная литература (Березович, 2007; Миниханова, Фаткуллина, 2012; Умарова, 2016; Сироткина, Ганущак, 2019; Маслова, 2021; Темиргазина, 2021; и др.). Поэтому в данной работе мы рассмотрим как выражалось и меняло свое выражение отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв., какие моменты были важными, в каких словесных формулах это выражалось.

Источниками исследования выступили, во-первых, романы классика тувинской литературы — Народного писателя Тувы М. Б. Кенин-Лопсана (1925–2022) роман-тетралогия «Чылгычының өө» («Юрта табунщика») (1980 г.¹), «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки») (1984 г.²), «Азаның бичези кончуг» «Младший чертенок») (1989 г.³), «Алдын чүрек» («Золотое сердце») (1992 г.⁴). Все эти произведения относятся к литературе XX в. В основном, они появились в 1970–1980-х гг., в годы, когда первая когорта писателей из числа тувинцев, одним из которых был Кенин-Лопсан, получила не только образование, но и достаточный жизненный опыт для того, чтобы писать большие произведения. Его вдохновение, как и его коллег, черпалось из народных мифов, легенд, устных рассказов. Писатели использовали и традиционные образы, и воспоминания своих старших родственников, и свои собственные детские воспоминания. Но тем не менее тувинская проза постепенно все больше отображала современных реалий, современных тувинцев, в которых, как пишут литературоведы, вырисовывался традиционный национальный характер в условиях социалистического образа жизни (Мижит, 2022: 79).

М. Б. Кенин-Лопсан, прожив долгую жизнь, имел возможность творить в разные исторические эпохи. Его произведения выходили не только в советское время. Один из его романов вышел в 2000 г. — роман «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка»)⁵. Народный писатель Тувы К. Ч. Черлиг-оол подчеркивал, что художественный мир М. Б. Кенин-Лопсана может считаться одной из «девяти драгоценностей» Тувы⁶.

При этом, надо сказать, что Кенин-Лопсан был не только писателем, но и исследователем тувинской традиционной культуры, поэтому помимо художественного отображения традиционных образов, он имел возможность также обобщать информацию в этнографических работах. Это позволяет соотносить его художественное творчество с научными публикациями, которые выходили также и на тувинском языке (Кенин-Лопсан, 1999, 2006, 2021; Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021).

Во-вторых, для того, чтобы обсуждать тувинскую литературу XXI в., в качестве источника мы возьмем роман другого Народного писателя Тувы Н. Ш. Куулар (1958 г. р.) «Муңгаштатпаан муңчулбас ыр» («Непрегражденная неунывающая песня») (2018 г.⁷). Он также является одним из ведущих переводчиков в республике: перевел огромное количество стихов великих классиков русской литературы, буддистских текстов, а также Библии. Член союза журналистов России, член Союза писателей СССР. Заслуженный работник культуры Республики Тыва, лауреат Национальной литературной премии Республики Тыва (2019 г.). В литературоведении особенно ценится его поэзия. Как пишет С. С. Комбу, «его поэзия — это глубокие раздумья над сложными вопросами жизни. Автору свойственно индивидуальное видение, он старается проникнуть в суть явления. Стихи подкупают искренностью, задушевностью, любовью к родной земле» (Комбу, 2012: 119).

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Чылгычының өө [Юрта табунщика]. Роман. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1980. (На тув. яз.).

² Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1984. (На тув. яз.).

³ Кенин-Лопсан М. Б. Азаның бичези кончуг [Младший чертенок]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1989. (На тув. яз.).

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. Алдын чүрек [Золотое сердце]: Роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1992. (На тув. яз.).

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.).

⁶ Черлиг-оол К. Ч. Тос эртинениң бирээзи — М. Кенин-Лопсанның чогаал делегейи [Одна из девяти драгоценностей — художественный мир М. Кенин-Лопсана] // Улуг-Хем (журнал). 2010, № 1–2. С. 115–118.

⁷ Куулар Н. Ш. Муңгаштатпаан муңчулбас ыр [Непрегражденная неунывающая песня]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша, 2018. (На тув. яз.).

Теоретико-методологическая основа

Мы рассматриваем понятие концептов культуры шире, чем это сегодня представлено в отечественной лингвокультурологии (Есенова, 2011; Жизненное пространство ... , 2021; и др.). Нашим теоретическим каркасом является тезаурусная концепция Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова, которые полагают, что каждая культура имеет свой тезаурус — «сокровище, сокровищницу», имея в виду некое накопление, богатство, достаточность (Луков В, Луков Вл., 2008: 12).

В исследованиях нашего коллектива, развивающих идеи Луковых, мы анализируем три важные идеи подхода: идею концепта, идею тезаурусной саморегуляции и идею социокультурной субъектности тезауруса (Тувинцы: Родные люди, 2022). Основным элементом тезауруса Вал. А. Луков и Вл. А. Луков называют концепт как «особую структурную форму сознания, в котором присутствует сращение смысла, чувственного восприятия и образа» (Луков В, Луков Вл., 2008: 113).

Концепт Родины или родной земли является одним из самых важных практически в любой культуре (Степанов, 2004: 170–181; Никитина, 1991: 120). Чаще всего, концепт «родная земля» представляется через противопоставление «свои — чужие земли». Для человека «микромир — это мир соседних деревень, небольших речек, холмов, дорог и т. п., который в той или иной степени хозяйственно освоен и макромир — “чужие земли”, который включает в себя “заморские страны”, которые, как правило, не пропущены через призму личного опыта, никогда не виданы воочию, и некоторую среднюю зону, куда входят географические макрообъекты своей страны» (Березович, 2007: 176). Таким же образом структурированно традиционно представлялась своя, родная земля для тувинцев в прошлом, как и у других кочевников прошлого. Своя земля — это всегда пространство ограниченное, обозначенное ориентирами-маркерами, имеющее максимально четкие координаты, количественные характеристики (Традиционное мировоззрение ... , 1988: 29–71).

Земля рассматривается по-разному, начиная с изображения обыкновенных мест существования людей от рождения до смерти, до описания мест расположения могил и начала потусторонней жизни. Также оно понимается как место присутствия позитивных и негативных видов энергии человека. В русской культуре, например, как отмечает Ю. С. Степанов, концепт «Родная земля» состоит из следующих компонентов: а) «боль» за свою землю, б) «естественное богатство», в) сама земля, г) родной человек, д) природа, увенчанная, е) родным словом (Степанов, 2004: 170).

В смысловом поле «свой — чужой» наиболее частотной реакцией на слово «свой» является прилагательное «родной». «Свое» пространство осмысливается как место, где живут его родные, к этому месту человек испытывает сильную привязанность. Так, для тувинцев *чер* ‘земля’ практически сразу «окрашивается» эмоциональным отношением людей к месту. Поэтому это лексически богатый концепт.

Согласно «Тувинско-русскому словарю», *төрээн чер* — это место рождения, родной край¹. В «Русско-тувинском словаре» дается перевод слова *төрээн* ‘родной’: 1. [Кады] *төрээн*; *төрээн иези* ‘родная мать’; родной брат *кады төрээн акызы*; родная страна *төрээн чурт*, 2. в знач. сущ. мн. *төрелдер*; у него много родных *ооң төрелдери хөй*, 3. (свой) бодунуң, *төрээн*; родная земля *бодунуң чери*; родной язык *төрээн дыл*, 4. (дорогой, милый – в обращении) *эргимим, сарыым*².

Филологи А. А. Монгуш, М. В. Бавуу-Сюрюн по анализу языкового материала разных словарей выявили всего 157 лексических единиц концепта «Родина», образующих одноименное лексико-семантическое поле, центром которого является лексема *төрээн чурт*. В нем достаточно четко выделяется ядро, которое составляют лексемы *төрээн чер* ‘родная земля’, *чер-чурт* ‘земля-родина’, *ада-чурт* ‘отечество’, *ие-чурт* ‘родина-мать’, *ие чер* ‘мать-земля’, *төрээн чурт* ‘родина’, характеризующиеся высокой частотностью и в минимальной степени зависящие от контекста. (Монгуш, Бавуу-Сюрюн, 2020: 107). Кроме того, данные авторы выделяют *төрүттүнген, төк дүшкен чери* ‘место рождения, где стукнулся, выпал’, отделяя это понятие от понятия о малой родине *төрээн чер* ‘место, где вырос, возмужал; родная земля’. У современных тувинцев замечается такая тенденция, когда родными местами признаются малая родина родителей (там же: 110).

¹Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 528.

²Русско-тувинский словарь / М. Д. Биче-оол, А. К. Делгер-оол, А. Ч. Кунаа и др. / под ред. Д. А. Монгуша. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 1980. С. 511.

М. Б. Кенин-Лопсан подчеркивает большое значение *төрээн чер* 'родной земли' для тувинцев. По его мнению, *төрээн чер* 'родная земля' состоит из четырех видов: *төрээн чери* 'земля, где родился', *ада-өгбениң сөөгүн салган чери* 'места, где упокоились предки', *сүнезини тудуш чери* 'земля неразрывно связана с душой', *өпейлеткен чери* 'колыбельная песня' (Кенин-Лопсан, 1999: 59). Ученый дает следующее определение концепта *төрээн чер* 'родной земли': «Төрээн чери, ол дээрге кижиниң төрүттүнген чери болгаш хинин хөмгөн өөнүң орну болур. Төрээн черинден кижиниң төрээн чуртунга ынакшылы эгелээр» (Кенин-Лопсан, 1999: 59) 'Родная земля — это место, где человек родился, где закопана его пуповина. С этого места, с малой родины, начинается любовь к большой Родине'. Родная земля для человека, по мнению М. Б. Кенин-Лопсана, ассоциируется с колыбельной песней, и всегда будет вспоминать с материнской теплотой на сердце: «Өпейлеткен чери — өпей ыры дээрге тыва кижиниң төлүнге ынаан, төрээн черинге тудужун болгаш айга, хүнге, дээрге чалбараанын илереткен уян сөстери болур. Кизи өлүп чыткаш, өпейлеткен чуртун сактыр дижир» (Кенин-Лопсан, 1999: 59) 'Колыбельная — это выражение сокровенными словами и мелодией своей любви к ребенку, своей связи с родной землей, своего почитания луны, солнца, неба. Говорят, человек, умирая, вспоминает то место, где впервые услышал колыбельную песню' (Кенин-Лопсан, 2006: 177).

Еще один аспект понимания родной земли, родного пространства был связан у тувинцев с пространством внутри самой юрты и вокруг юрты. Во внутреннем расположении юрты различают четыре части, имеющие особое название, независимо от внутренней жилой обстановки. Место очага, устраиваемого посредине, было раньше геометрическим центром юрты. Делилась юрта на восточную и западную половины, каждая из которых в свою очередь делилась на северную и южную части, составляющие четверть площади юрты (Потапов, 1969: 152). С. И. Вайнштейн юрту охарактеризовал как «не только жилище кочевника, это микромир кочевника, своеобразная модель вселенной» (Вайнштейн, 2009: 229). Пространство вокруг юрты характеризуется так: «Окружение юрты в виде гор, сопков, урочищ, степей, рек, озёр было символом родной земли — *төрээн чер* (малой родины), её сакральным центром, местом поклонения и почитания» (Чистик, 2010: 151). Итак, *өг* 'юрта' для тувинца, как мы уже ранее с коллегами писали, — больше, чем жилье, это его исток, сердце того родного, «своего» пространства, от которого начинается его жизнь (Тувинцы. Родные ..., 2022: 118).

Это многообразие понимания того, что есть для человека земля, выразилось в богатстве компонентов данного концепта культуры. Внимательное изучение того, как в рассматриваемых произведениях художественной литературы упоминается, описывается земля, позволило нам классифицировать их следующим образом:

- связь с землей в романах XX века;
- тема потерянной земли в романах XX–XXI вв.;
- новое в представлениях о земле в романах XXI века.

В этом порядке и рассмотрим материал выбранных произведений.

Связь с землей в романах XX века

В произведениях М. Б. Кенин-Лопсана мотивы святости родной земли, любви к ней и понимания ее как защитницы людей встречаются достаточно часто. Так в романе «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка») пациент Аскак-Контр напоминает врачу Юрию Давыдовичу, что каждому человеку родная земля является святыней: «Кым-даа кизи бодунуң төрээн черин ыдыктыг кылдыр көөр, ыр-шоор-биле алгап ырлаар, алдарлыг кижилерниң адын-сывын утпас чүвең ыйнаан»¹ 'Каждый человек видит свою родную землю священной, восхваляет песнями, и не забывает известных людей'.

В том же романе главная героиня Агана Хертек, прежде чем уйти из родной деревни Кызыл-Хая на поиски работы, прощается со своей родной землей, обращаясь к Малой Монгун-Тайге:

«Биче-Мөңгүн-Тайга дээрге өгбелеримниң болгаш мээң төрээн ада-иемниң, мээң азыраан ада-иемниң дагып чорааны меңги баштыг ыдыктыг тайгазы. Бо черде арагалаар чорук шуут чок. Бо черде бот-боттарын оорлажыр чорук шуут чок. Бо черде мегележир чорук шуут чок. Мындыг магалыг

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 186.

орандан ырап чоруур салымга таварышкан мен»¹ ‘Биче-Мөңгүн-Тайга — это священная тайга, на которой каждый год проводили обряд освящения мои предки, родители и мои опекуны. На этой земле нет людей, которые пьют алкоголь. Здесь нет воров. Здесь нет людей, которые обманывают друг друга. С этой прекрасной земли мне суждено уйти’.

Малая Монгун-Тайга является самой высокой горной местностью в Туве, одной из священных девяти таежных хребтов. Тувинцы просили всегда ее милости, совершали молитвы в честь девяти хребтов тайги, брызгали молоко или чай с молоком в сторону тайги (Кенин-Лопсан, 2006: 83).

Понимание земли как святыни сочеталось с чувством любви. Любить землю считалось правильным, это было традиционной константой мировоззрения тюркских народов Сибири, о чем пишут исследователи (Жизненное пространство ... , 2021: 214). Это же подчеркивал и сам М. Б. Кенин-Лопсан: «Төрээн черинден Төрээн чуртунга ынакшыл эгелээр»² ‘Любовь к Родине начинается с родной земли’.

В произведении «Алдын чүрек» («Золотое сердце») показан образ учителя Деспижек Делбигировича как человека, болеющего за будущее родной земли и будущее поколение. Его волнуют вопросы нравственной и духовной деградации молодежи: «Бичии чаштар кедизинде баргаш, ёзулуг ажилчын, чурумнуг, кежээ-шалып хамаатылар болзуннар дээр болза, оларны амдыгааштан эгелеп чоннуң эки чаңчылын сагыыр, хүндүлээр, төрээн черинге ынакшыыр кылдыр кижизидер ужурлуг деп, ыдыктыг бодал хоочун башкының кол сорулгазы болу берген»³ ‘Чтобы маленькие дети выросли трудолюбивыми, дисциплинированными, надо сейчас начинать учить их обычаям и традициям своего народа, учить любить и уважать свою родную землю — такая святая цель стала основным смыслом работы опытного учителя’. Так думал учитель и наставник Дембилдей Деспижек, который открыл кружок для школьников по изучению родной земли.

Он также ездил на сенокос со школьниками, приучая их к труду. Чтобы школьники не скучали при дождливой погоде, учитель задавал вопросы про родную землю, знают ли они, чем богата и знаменита их родная страна. Рассказывая им удивительные истории, подчеркивал, что человек должен с детства понимать что такое родная земля: «Төрээн черин кижии кара чажындан билир ужурлуг»⁴ ‘Родную землю человек должен знать с самых малых лет’.

В этом же произведении воспитатель детского сада Арбак-Вера подготовила концерт с маленькими детьми в местном клубе с. Хондергей. Когда дети спели только первую строфу песни «Хондергейим», то весь зал присоединился к исполнению песни:

Хөнезинде, челезинде

Көвей чүзүн малы долган.

Көрген кижии мактап ханмас

*Хөлчөк чараш Хондергейим*⁵.

‘У привязи,

Полон различной масти скота

Видевший тебя похвалит,

Прекрасная моя земля Хондергей’.

Представления о родной земле тувинцев также содержат понимание ее как защитницы: человек находится под защитой земли, реки, горы, своего рода и предков, духи которых остаются на земле вместе с духами природных объектов. И человек живет в гармонии с окружающими его природой и духами, ведя с ними постоянный диалог (Жизненное пространство ... , 2021: 214). «Хозяева» родных земель тувинцев защищают и оберегают своих жителей.

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 139.

² Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 140.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Алдын чүрек [Золотое сердце]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1992. С. 18.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Там же. С. 56.

Об этом пишет М. Б. Кенин-Лопсан, например, в произведении «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка»):

«Чер ээлиг болур. Хем база тускай ээлиг. Даг база тускай ээлиг. Чер-черниң ээлери база тус-тус аажы-чаңныг болгулаар. Биче-Мөңгүн-Тайганың ээзи ак аъттыг ак хептиг, ак салдыг эр кижидижир»¹ 'У земли есть хозяин. У реки тоже. У горы также есть хозяин. Хозяева земель имеют свои разные характеры. Говорят, хозяин Биче-Мөңгүн-Тайги — мужчина с белой бородой, с белой одеждой и с белой лошадью'.

Главная героиня произведения Агана Хертек, находясь одна в маленьком доме-пекарне, где она работала истопницей, часто вспоминала свою жизнь с самого начала. Когда ей дали указание, чтобы она уволилась через семь дней, она считала эти дни и не знала, куда ей идти. В один из таких моментов она услышала в голове голос старой женщины. Она подумала, что это голос хозяйки тайги Ак-Баштыг: «Мугур-Аксы суурну харап турар, карактап турар, камгалап турар Ак-Баштыг база катап сагыжымга кирип келди»² 'Я опять вспомнила защитницу и покровительницу деревни Мугур-Аксы Ак-Баштыг'.

Почитание и любовь к родной земле, представление о ней как о защитнице безусловно зиждились на идеях тесной связи между ней и людьми. Так, в произведении «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка») связь эта сравнивается с самыми видами прочной природной связи: «Бистиң тыва кижилер ыяшты дазылындан турбас, чаш бызааны иезинден чарбас, кижиди төлүн ада-өгбезиниң чуртундан чарбас чаңчылдыг»³ 'Наш народ, тувинцы, мы не выдираем корни деревьев, теленка от матери не разлучаем, не разлучаем человека от родных мест'.

Именно на родной земле человек рождается, вырастает, осознает себя, начинает говорить на родном языке. Так, в произведении «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки») старейшина деревни 104-летняя бабушка Дуруя, рассказывая интересные легенды своему племяннику Хонак-оолу, говорит: «Мен бодаарымга, кым-даа кижиди бодунуң чурттап турар чериниң төрөөн дылынга баштай адын-сывын адап, чугаазы үнер ужурлуг»⁴ 'Я считаю, что каждый человек должен впервые назвать свое имя на родном языке той местности, где он живет'.

На этой земле человек проживает до создания своей семьи. В произведении «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка») упоминается, что когда человек не достиг возраста, чтобы выходить замуж, то человек от родной земли не сможет уйти: «Шаандакы тываларның чугаазы болза кара чаш назынның оглу-даа, кызы-даа төрөөн черинден ыраваан, ада-иезиниң өөндөн үнмээн үрен болур»⁵ 'Как говорили древние тувинцы, мальчики или девочки подросткового возраста не уезжали от родной земли далеко, и они ничего не видели кроме юрты своих родителей'.

Но, даже создав семью, переехав в другие места, тувинцы никогда не забывали родные места, места своего рождения, детства. В романе «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки») героиня Севил после замужества жила всю жизнь в родном селе мужа. Когда мужа Арган-оола не стало, то, получив телеграмму от своей родственницы 104-летней старейшины Дуруя, она сразу поехала в Хондергей. На перевале она, как и принято у тувинцев (Кенин-Лопсан, 2006: 68), она обратилась к земле:

«Хондергейниң улуг арты! Сени черле кандыг чүвени көрбеди дээр! Экини-даа көрүп келген сен, багайны-даа көрүп келген сен. Хондергейниң арт кырынга үнүп келгеш, уруг-дарымының адазын ала-чайгаар сактып келдим. Бо чер, бо-ла даялар, бо-ла дыттар, бо-ла пөштер, бо-ла улуг арт ол-ла хевээр туруп калган, мен дулгуяк бооп арткан — амыдырал деп чүве мындыг болур чүве-дир ийин»⁶ 'Перевал Хондергея! Ты все выдержал в этом мире — было и хорошее, и плохое. Поднимаясь на перевал, вспомнила я мужа и отца моих детей. Эта же земля, эти же листовенницы, большой перевал также остался большим, а я осталась одна, вдова — вот такая бывает жизнь'.

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 83.

² Там же. С. 362.

³ Там же. С. 186.

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 140.

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 241.

⁶ Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 32.

Главная героиня произведения «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка») Агана Хертек, размышляя о ценности земли, отмечает, что человек всегда помнит *хинин хэмген чер* 'землю, где родился и закопал пуповину': «Тозан хар чеде берген кырган-ава безин улуг уйгузун удуур деп баргаш, хинин хэмген черин адаар, ол чүл дээрге авазының өөнүң орнундан чарылбазын күзеп чыдар, ам-даа чырык хүн адаанга чурттаксаарын Деңгер бургандан дилеп чыдар»¹ 'Девяностолетняя бабушка, прежде чем уйти на покой, зовет свою родную землю, где хранится ее пуповина. Это означает, что человек не хочет расставаться с родным местом, где жила со своей матерью, и просит помощи у Бога, чтобы тот дал еще времени пожить'.

Так, человеческую связь с землей тувинцы понимали аналогичной пуповинной связи между ребенком и матерью, что подчеркивал и сам М. Б. Кенин-Лопсан: «В древние времена тувинцы очень бережно обертывали послед новорожденного ребенка чистой шелковой тканью и закапывали в юрте. Это являлось свидетельством нераздельной слитности человека с землей» (Кенин-Лопсан, 2006: 13).

Еще одним элементом связи тувинцы называли душу человека *сүнезин*, которая обязательно должна остаться в родных местах: «Сүнезини тудуш чери — кижичи өлүрге, ол кижичиниң сүнезини төрөөн черин эргип чоруур, өске черге доктаавас джир» (Кенин-Лопсан, 1999: 59) 'Земля неразрывно связана с душой. Душа умершего посещает родные места, в других не задерживается' (там же: 176).

Так, в произведении «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки») председатель отделения Тонак Тонгак выражает свои мысли и мечту учителю Деспижеку Делбигировичу, чтобы в будущем у них в деревне был отдельный развитый совхоз:

«Шынап-ла кижичиниң төрөөн чери кончуг, фронтуже чаңгыс аьдымны белек кылдыр берген черим бо. Фронтуже чаңгыс дунмамны үдээн черим бо. Хеймер чүвем ол олчаан келбейн барган, Хөндергейге төрүттүнген мен, бо черниң довураа чымчак, бо-ла черге сөөгүм салыр мен»² 'Нет ничего священнее, чем родная земля. Здесь я подарил своего единственного коня фронту. Здесь проводил своего единственного брата, который так и не вернулся с фронта. Я родился в Хөндергее, здесь земля мягкая, здесь же я и умру'.

Из-за желания человека быть захороненным на родной земле и разных возможностей его родственников даже возникали разногласия, споры. В произведении «Азаның бичези кончуг» («Младший чертенок») главный герой Ирбиштей познакомится с парнем по имени Муса Монгуш в Хову-Аксы. Тот ему рассказал, что его отец был фронтовиком, и его могила находится в Хову-Аксы. Причем она появилась не без проблем:

«Ачам чок апаарга, бир чамдык төрелдери Хемчик бадырар, төрөөн черинге сөөгүн салыр джи берген. Улуг маргылдаа болган. Ачамның төрелдери авамның сөзүн кончуг дыңнааннар. Ажы-төлүнүң болгаш алган кадайының чурттап турар черинге ачамның сөөгүн салыр бооп дугурушкан»³ 'Когда отца не стало, несколько его родственников хотели похоронить в Хемчике, на его родной земле. Был большой спор. Но родственники отца послушали мою маму. Пришли к единому мнению, что его будут хоронить на этой земле, где он проживал с женой и с детьми.'

Так, этнограф и писатель М. Б. Кенин-Лопсан вплетал в свои произведения в самых разных ракурсах образы родной земли, представления тувинцев о том, что она священна, что ее надо знать, быть связанным и пр. Попутно он поднимал и вопросы воспитания чувства любви к родным местам, и обязательств человека перед ними. Как исследователь культуры, понимая, что это самые глубинные, традиционные представления о родной земле, автор отражал их в мыслях, словах, мотивах поступков своих героев.

Тема потерянной земли в романах XX–XXI вв.

Поскольку перевод тувинцев на оседлость, социальные трансформации тувинского общества привели к массовым миграциям населения прежде всего в рамках республики, людям часто приходи-

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 353.

² Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 183.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Азаның бичези кончуг [Младший чертенок]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1989. С. 35.

лось расставаться с родной землей, терять ее. И эта тема потери также стала важной в произведениях М. Б. Кенин-Лопсана, в частности в романах «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка»), а также «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки»). При этом, поскольку он писал в советские годы, далеко не все темы можно было показывать свободно. В том числе тема репрессий долгое время была под запретом. Полностью ее показать автор смог уже в начале XXI в. — в романе «Читкен уруг».

Главная героиня этого романа Хертек Агана олицетворяет собирательный образ так называемых детей «врагов народа», незаслуженно пострадавших в годы репрессий. Сюжет романа строится вокруг мытарств девочки-сироты, переносящей лишения в 1930–1950-е годы в поисках справедливой жизни в своем родном селении у подножия высокой горы Монгун-Тайга. Испытав все несправедливости тоталитарного режима, она в конце концов находит свой вечный покой — умирает высоко в горах, в ледяной «юрте», под защитой духа-хозяина Монгун-Тайги (Самдан, 2019: 164).

Перед смертью она горюет: «Төрээн адамның хонаш чуртунга чурттавас, төрээн адамның адын адавас, төрээн адамны кижилерден чажырып чоруур салым-чолдуг болган мен»¹ 'Мне больше не жить в кочевьях родного отца, не называть его имени, и от народа приходится скрывать его — такая у меня теперь судьба'.

Она потеряла чувство защищенности, которое ей давала родная юрта: «Бодавааным бир ыдыктыг бодал сагыжымга кирип келди: “Бо кырганнарның өөндөн үнер болзумза, сыңар черим чок!”»² 'Вдруг у меня появилась мысль, что если я выйду из юрты этих стариков, то мне некуда пойти'.

Традиции гостеприимства тувинцев призывали принимать их в юртах любого человека и каждый путник был накормлен. Тем не менее, в раннесоветское время официальные запреты на контакты, любую поддержку сторонников и детей «врагов народа» приводили к тому, что эта традиция стала нарушаться. И каждый заклеименный человек не просто терял родную землю, собственный приют, он также терял возможность временного приюта, полностью терял чувство защищенности.

Также под запреты попали и религиозные традиционные обряды, в том числе освящения *оваа* (курганов, которые возводились для жертвоприношений духам мест) (Дагылга: тувинские обряды ..., 2021: 6). М. Б. Кенин-Лопсан писал в этнографической работе об этом: «Начиная с 30-х годов прошлого века, запретили совершение обрядов по освящению оваа, как проклятый пережиток прошлого, препятствующий развитию молодежи и одурманивающий сознание народа» (Кенин-Лопсан, 2006: 103).

В романе же он описывает, как было запрещено проводить обряды освящения оваа на конкретной местности:

«Бай оваа. Коргунчуг апарган оваа, чүге дээрге Долдаш дарганың айтышкынын ёзугаар ол овааны өрттеткен чүве-дир. Ам ол ыдыктыг черде борбак-борбак даштар чыткылаар. Өг орну хире черде хөмүрлер карарып чыткылаар»³ 'Богатый оваа. Оваа стал страшным, потому что по указанию Долдаш дарга сожгли его. А теперь на священной земле лежат только круглые камни. Там только угли тлеют'.

Запрет на проведение *суг бажы дагылгазы* 'обряда освящения истока родника', *хам дьит дагылгазы* 'обряда освящения шаман-лиственницы' показан в произведении «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка»): «Өң-баазын чечектер саглаңайнып турда суг бажы дагырын база хоруп каапкан. Чүгле Холурааш хам ада-өгбе дужундан бээр дагып чорааны хам-дыдын чылдың-на бүдүү дагып чораан»⁴ 'Когда цветы начали распускаться, также запретили проводить обряд освящения истока реки. Только шаман Холурааш каждый год исподтишка проводил обряд освящения шамана-лиственницы'.

Дары природы, которые ранее использовались и в пищу, и в качестве лекарственных средств в народной медицине, стали также считаться ненужными. В «Читкен уруг» бабушка Агана Хертек была *тудужу* 'повивальной бабкой', которая помогала родиться малышам. Однажды, после принятия удачных родов бабушка поздно ночью падает с обрыва и погибает. Ее усыновленная дочь слышит

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 67.

² Там же. С. 59.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 96.

⁴ Там же. С. 94.

разговор женщин в магазине о ней: «Оът сиген дазылы-биле, бүрүзү-биле кижии эмнээр чорук дээрге эргиниң артынчызы ышкажыл, күжүрүм. Кожуун төвүндө белен эм садып алыр аптак барда, арга-арыгдан, хая-даштан черлик оъттар дилээш чоорул ону»¹ 'Лечение лекарственными растениями, я считаю, что это пережиток прошлого, дорогая. Зачем собирать дикие растения по лесам и скалам, когда можно купить в кожуунной аптеке готовые лекарства'.

Агана Хертек ощутила свои потери, как потерявшая все на родной земле: «Авазының иштинге сыңып чораан уруг ам төрөөн чуртунуң делгеминге огулуг чурттаар чер тыппаан уругнуң ыызы»² 'Это плач девушки, которую мать когда-то выносила в своем животе, но не нашедшая постоянное место жительства в родной земле'. Она постоянно задавала себе вопрос, почему так несправедливо поступила с ней жизнь, почему она потеряла свой уголок земли: «Авамның иштинге сыңып чораан бодум канчап черле Мөңгүн-Тайга кожууннуң девискээринге сыңмас апарган ирги мен?»³ 'Почему для меня не нашлось места на всей территории Монгун-Тайгинского кожууна, когда я в мамином маленьком животе помещалась?'

Более того, когда она потеряла родителей, родной дом, то она потеряла и след на этой земле: «Ийи хууң сугну арган холдарымга тудуп алгаш, Хараачыгай чуртумда авам өөнчө баар дың чаңгыс кокпам турган. Адам-ием ол чуртка хонмастаан, мээң суг суглаар кокпам база бүдө берген»⁴ 'У меня была одна маленькая тропинка в местечке Хараачыгай к юрту мамы, по которой я шла за водой на двух ведрах, нося их на своих худеньких ручках. Мои родители давно на этой земле не живут, но и моей тропинки не стало'.

И, потеряв все в родных местах, она стала ощущать себя дикой собакой (*черлик ыт*):

«Бир хүн азыраан ием казанак бажыңындан үнүп чорупкан мен. Чер кезиир салымныг апарган мен. Черлик ыт чер кезиир дижир. Контр уруу мен база чер кезиир тоянчы апарган мен»⁵ 'Однажды я покинула маленький домик моей усыновленной матери. Я стала бродяжничать. Говорят, дикая собака бродяжничает. Я, как дочь контра, стала бродягой'.

Покидание, потери, отъезды, разрывы — стали привычными для тувинцев (Ламажаа, 2021с: 136), которые раньше столь дорожили привязанностью к родным местам. В том числе тувинцы уезжали и из деревень в советские годы, расставаясь со своими новыми домами без сожалений. Об этом М. Б. Кенин-Лопсан пишет в романе «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки»).

Учитель Деспижек Делбигирович переехал в деревню Хондергей, хотя его приглашали в другие, хорошо оснащенные школы, и вспоминал:

«1979 чылдың август айның эгези. Чүгле Хондергейге көжүп келгеним демдегеп каайн. Бо черге август эгезинде көжүп келген мен. Бо черни багай деп болбас! Аңчы чоннуң чурту-дур. Малчын чоннуң чурту-дур. Тараачын чоннуң чурту-дур, Хондергейниң чону кончуг дыңгыр чон деп билип алдым. Бо суурга чүнүң ужундан хос бажыңнар артканын кымдан айтырар мен. Мен бодум безин бир хос бажыңны дерээш, ынаар көжүп кирип алдым»⁶ 'Начало августа 1979 года. Я тут только напишу, почему я переехал в село Хондергей. Я сюда переехал в начале августа. Нельзя считать, что это плохая земля. Это земля охотников. Это земля животноводов. Это земля хлеборобов. Я узнал, что народ Хондергея очень трудолюбивый. Зачем мне спрашивать у кого-то, почему здесь появились заброшенные дома. Я сам отремонтировал и переехал в один заброшенный домик'.

Он анализирует состояние деревни и говорит Тенекпею, что в течение долгого времени сюда не заезжали новые жители. Он посчитал, что если в деревне всего 325 жилых домов, из них 75 жилых домов заброшены:

«Сөөлгү чээрби чылдың дургузунда чуртталга бажыңы тутпаан чер болду. Школаның ужунга бир өрээл немей туткан дижир болду, ону күш-культура залы дижир болду. Хондергей суурда үш чүс чээрби беш

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. С. 132.

² Там же. С. 245.

³ Там же. С. 392.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 10.

бажың барын бодум санап көргөн мен. Оларның аразында чеден беш бажың хос куруг турарын эскердим. Ол бажыңнарга чурттап оргулаан кижилер бо черге кылыр огулуг ажыл-хожул чогуңдан өске черлерже көжүп чоруткулаан хире болган, ол дугайын меңээ Дуруяа кырган чугаалап берген чүве»¹ 'В последние двадцать лет не построено ни одного жилого дома. К школе построили одну постройку, она стала физкультурным залом. Всего в деревне около 325 жилых домов. Я сам посчитал, что из них 75 жилых домов заброшены. Люди, которые жили в этих домах из-за отсутствия работы и перспективы уехали в другие места, это рассказала мне старейшина Дуруяа'.

Данное явление было характерно практически для каждого кожууна республики. Начиная от потери родных земель, насильственного расставания с ней, разрывов связей, тема потерь стала нормой жизни тувинцев советского времени. И это прослеживается в своих произведениях М. Б. Кенин-Лопсан.

Новое в представлениях о земле в романах XXI века

После советской эпохи тувинское общество принялось возвращать традиционные ценности культуры, пытаясь придерживаться их насколько это возможно в условиях нового времени. В том числе очевидно писателям стало важно переосмыслить вопросы отношения к земле.

Как это осуществилось, мы посмотрим на примере романа Народного писателя Тувы Н. Ш. Куулар «Муңгаштатпаан муңчулбас ыр» («Непрегражденная неунывающая песня»). В романе происходят события в наши дни, после открытия Центра тувинской культуры (в 2012 г.) по настоящее время. Правильно ли мы понимаем историю, какова судьба тувинского искусства в современном мире, что мы сможем передать нашим потомкам — в романе находят отражение эти и другие вопросы.

Главные герои — три друга, кызыльчане: писатель Одай-оол Донгак, ученый, кандидат исторических наук Тумен-оол Тулуш и инженер связи Тумат-оол Тулуш. Одай-оол и Тумен-оол дружат с первого курса учебы в г. Томске, где они учились в разных университетах. Тумат-оол закончил вуз в Новосибирске, он является близким родственником Тумен-оола. Трое время от времени встречаются и обсуждают разные вопросы, в том числе истории Тувы, трагические страницы которой пережили и их предки.

Представляя себя, при знакомстве Одай-оол указывает названия родовых земель, где жили его предки и называет себя сыном горы и рек:

«Чоза, Торгалыг хемнерниң, кызыл дус эртинелиг Дус-Дагның оглу мен дээр. Ооң кырган-ачазының адазы шаанда Улаатай, Тээли, Чоза, Торгалыг хемнерниң аразынга көжүп-дүжүп, ажы төрүп, чурттап чораан арат чүве-дир»² 'Я — сын Дус-Дага, имеющего драгоценную красную соль, а также рек Чоза и Торгалыг. Его прадедушка кочевал, детей растил в окрестностях Улаатай, Тээли, Чоза, у реки Торгалыг'.

Предки Тумен-оола происходят от туматов местностей Ак-Чыраа, Чалааты Овьюра. В период репрессий 1930-х гг., когда стали преследоваться все туматы, его дед переехал в другой район, в Улуг-Хем, там взял фамилию жены Тулуш. И так поступали остальные туматы, чтобы остаться в живых. Кстати, Одай-оол тоже имеет предков туматов, и сложная история племени не позволила ему и его сестрам носить эту фамилию.

В постсоветское время казалось бы каждый может вернуться на земли предков, но этого не происходит. Сейчас центром притяжения всех тувинцев в республике стала столица — г. Кызыл. Поэтому писатель Одай-оол размышляет, почему они сюда массово приезжают и селятся в самых скромных условиях:

«Көшкүн амыдыралды чогуум чүү чүвеге солупканывыс ол? Биригээр бодаарга, амгы үеде чүгле мал ажыл-агыйы-биле бүдүн чурт канчап амыдыраар боор, делегейниң сайзыралының, цивилизацияның кыдыыңга хожудап чыдып каарга кайыын боор. Өскээр бодаарга, тыва чоннуң эвээш кезии ам канчап баржык — адаанда даяныптар быжыг туружу-даа, үстүнден дегкиптер сүлде-сүзүү-даа чок, өскен-төрөөн суурларын, хонаштарын каггаш, Кызылдың кыдыгларында кыстынып, хонуун үспес хензиг кошкул хайдынып туруп берген»³ 'На что мы поменяли свою кочевую жизнь? С одной стороны, в настоящее время только

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 36.

² Куулар Н. Ш. Муңгаштатпаан муңчулбас ыр [Непрегражденная неунывающая песня]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю.Ш. Кюнзегеша, 2018. С. 50.

³ Там же. С. 162.

скотоводством нельзя прожить, нельзя отставать от мирового развития и цивилизации. С другой стороны, тувинцы стали покидать свои родные деревни и кочевья, и переезжают в окрестности города Кызыла, не имея при этом никакой моральной и материальной поддержки, зарабатывая мало, разве что на хлеб’.

Одай-оол работает в книжном издательстве. Он часто поднимает проблему исчезновения тувинского языка, сетует на недостаточное количество читателей тувинской литературы, обсуждает заграничные гастроли артистов, студенчество и другие вопросы.

Так, в романе говорится о грядущих гастролях артистов Национального оркестра — племянника Одай-оола по имени Соруктуг с коллегами в Америку: «Чээрби беш хонгаш, америк дипче ужуптар улус-тур бис. Штаттар кезиир»¹ ‘Через 25 дней, мы все поедем в Америку. Штаты объезжать’.

Эти поездки в чужие заморские страны на тувинском языке передаются словосочетанием *даштыкы үнер* букв. ‘выходить наружу’. И эти выходы связаны с популярностью тувинского горлового пения за рубежом:

«Даштыкы үнер, тыва хөөмейни өске чоннар улунга бараалгадып көргүзөр, нептередип алдаржыдар, харын-даа ажылдап алыр орукту Геннадий Чаш, Конгар-оол Ондар, Кайгал-оол Ховалыг, Геннадий Тумат дээн ышкаш аттары төөгүже кире берген хөөмейжилер изеп эгелеп каан соонда, ам ынаар “Хүн-Хүртү”, “Ятха”, “Чиргилчин”, “Алаш”, “Тыва кызы”, болгаш өске-даа бөлүктөр доктаамал барып гастрольдап турар апарганда, оларның соондан даштыкы үнери Соруктуг ышкаш аныктарга солун-даа, харысалгалыгы-даа болбайн канчаар»² ‘Поездки за границу, представления тувинского хоомея перед другими народами, популяризацию, а также заработки начали Геннадий Чаш, Конгар-оол Ондар, Кайгал-оол Ховалыг, Геннадий Тумат, группы “Хүн-Хүртү”, “Ят-Ха”, “Чиргилчин”, “Алаш”, “Тыва кызы”. После них поехать туда и выступить оказался для Соруктуга, с одной стороны, весьма интересным, но с другой стороны, очень ответственным’.

Тем не менее эти поездки, какими бы важными и ответственными не считались, всегда вызывают острый приступ тоски по дому. И об этом писал в свое время М. Б. Кенин-Лопсан: «тувинца всегда тянет домой, к родному очагу. Если человек сравнительно надолго уехал в какое-то другое место, он вспоминает свое, родное, тоскует по нему. На чужбине он всегда вспоминает о своем родном уголке. Тяга к своему дому – это неистребимое чувство тувинца» (Кенин-Лопсан, 2006: 153). Так, в романе описывается возвращение Соруктуга после заграничных гастролей:

«Абаканга чедир ужупканнар, а оон таксиге долдур олурупкаш, Саянны ажыр халдып орда, Соруктуг Казылганын сактып, “Дүрген-не, дүрген-не болза!” деп, ол чокка-ла чүс чээрби биле чүс дөрген аразында базып орап бодунуң чажыды хире анык таксист эрни далаштырган дег, артындан ооң чушкуузунче көрүп каап, ишти ий бергедеп-ле чораан. Шивилиг, Туранны шивенедир халдып эрткен соонда, ол-ла болгай, артты ажып, ам-на Кызылче ужуктуруп батса-ла, удавайн Улуг-Хемнин эриинде келгеннер»³ ‘До Абакана летели на самолете, потом сели в такси, проезжая Саянские горы, Соруктуг скучал по любимой Казылган (своей девушке. — Ш. К.), и про себя шептал “Побыстрее, побыстрее бы”, и смотрел сзади на водителя, которого итак ехал на скорости сто двадцать или сто сорок. Проехали Шивилиг, Туран. Вскоре приехали в город Кызыл на берег Енисея’.

Также в романе Н. Ш. Куулара обсуждается тема студенчества, землячества. Тувинцы, чтобы получить высшее образование, живут в других городах в течение нескольких лет. Так они становятся «засаянскими тувинцами» (Ламажаа, 2021b: 113–126).

В студенчестве Одай-оола и Тумен-оола обычной практикой были сборы студентов:

«Тыва сургуул оолдар-кыстарның өске черге келгеш, аразында демниг, бөкперлежип алган чурттаары чаңчыл апарган. Тыва сургуулдар орустап болза «землячество» дээр, а тывалап та чүү дээр чүве, улуг бөлүглежилгелиг болур, олар тывалар өөренип турар хоорай бүрүзүндө бар»⁴ ‘Для тувинской молодежи стало традицией вместе жить дружно и сплоченно в другом городе. Тувинские студенты образуют землячества, предполагающие большие сборы. Такие землячества есть в каждом городе, где учатся тувинцы’.

¹ Куулар Н. Ш. Муңгаштатпаан муңчулбас ыр [Непрегражденная неунывающая песня]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю.Ш. Кюнзегеша, 2018. С. 21.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же. С. 79.

Эти землячества помогают тувинским студентам справляться с чувством тоски по дому, как и всем студентом, которые приезжают из локальных общностей в чужие города. Землячества становятся, как пишет К. С. Илиополова, для молодежи «маленьким отрывком родной земли», где они вместе проводят и отмечают праздники, где «формируются специфические образы своей и чужой территории, религиозных верований, языка, обычаев, складывается сознание принадлежности к определенному этнополитическому организму и чуждости других подобного рода образований» (Илиополова, 2007: 11).

Новое отношение тувинцев к земле как к объекту личного владения выразилось в романе в истории приобретения Тумен-оола земельного участка для Хуралмая, своего сына от первого брака. Его вторая жена Севил имела свою дочь от первого брака (после смерти первого мужа она, оставив в районе все его имущество, переехала в Кызыл). У каждого из них была квартира в Кызыле, и Севил предлагала жить в ее, а квартиру Тумен-оола оставить Хуралмаю. Но дочь — студентка, а сын — еще школьник. И как и многие современные тувинцы, которые, ударяясь в гиперопеку, думают о жилье для своих детей почти сразу после их рождения (Ламажаа, 2021а: 68–69), Тумен-оол стал планировать приобретение земельного участка, чтобы там построить дом. Копил для этого деньги и думал о дополнительном кредите.

«Ол аразында оглунга чер садып алыр дээн бодалы амыратпастай бээрге, чүү херегин баш удур билип аар дээш, айтыртынарга, ол черни шилип тып алгаш, ээзи-биле дугуржуп, өртээн төлөпкөн соонда, бодунун адынга бүрүткедип аарда, мырыңай энмежок саазыннар долдурар, элээн албан черлерин дамчып эртер дээрге, бир муңгараан»¹ «Между тем, ему не давало покоя вопрос покупки земельного участка для своего сына, так как для этого необходимо большое количество различных бумаг в разных инстанциях».

Когда он все же приобрел участок, то получил одобрение супруги:

«Дүрген өзүп оран оглунга бичежек-даа болза өнчүнү ынчаар белеткеп алган эр сеткили ханган чанып келгеш, Севилге ону чугаалап, мактаткаш, өөрээни-даа аажок болган»² «Когда он довольный вернулся домой и рассказал жене, что купил подрастающему сыну собственность, Севил очень обрадовалась и похвалила его».

Так, Н. Ш. Куулар в своем произведении затронул сразу несколько вопросов, которые волнуют современных тувинцев: тему забвения родных мест, массовой миграции в Кызыл, ностальгии по Туве в зарубежных поездках, земляческих объединениях студентов и приобретения земли, жилья для детей.

Заключение

Таким образом, в произведениях тувинской литературы разных лет мы видим разные аспекты отношения к земле у тувинцев. Сначала это была родная земля, с которой люди всегда была эмоционально связаны. Они поклонялись земле, духам земли, выполняли обряды освящения. Любовь и привязанность к земле рассматривались как пуповинная связь человека с землей-матерью. Однако, исторические события XX в. нарушили эту связь, заставили тувинцев переживать болезненные разрывы с родными местами, массово покидать земли, ощущая потери, переживая чувство защищенности. Практика разрывов, потерь стала нормой жизни. И хотя тувинцы научились «выходить наружу», т. е. выезжать далеко за пределы Тувы, в дальнейшем зарубежье, эмоциональная привязанность к родной земле сохранилась. Но в постсоветское время помимо всего прочего в отношении к земле появляются и очень прагматические оттенки.

Все эти изменения, которые происходили с тувинцами, безусловно, могут быть исследованы на примере разных источников. Писатели, тонко чувствующие настроения общества, выхватывают и показывают самые характерные вопросы, актуальные темы обсуждений. Поэтому тема отношения тувинцев к земле может быть исследована и на материале художественных произведений.

¹ Куулар Н. Ш. Муңгаштатпаан муңчулбас ыр [Непрегражденная неунывающая песня]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю.Ш. Кюнзегеша, 208. С. 208.

² Там же. С. 210.

Благодарности

Благодарю коллег по лаборатории этнологии и лингвокультурологии ТувГУ за обсуждения текста статьи; Ч. К. Ламажаа — за научное руководство всем проектом и данным исследованием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березович, Е. Л. (2007) Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик. 600 с.
- Вайнштейн, С. И. (2009) Загадочная Тува. М. : Издательство «Известия». 415 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Есенова, Т. С. (2011) «Земля» как лингвокультурный концепт ментального мира калмыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 5 (59). С. 39–43.
- Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири (2021) / отв. ред. Н. Б. Кошарева, Е. В. Тютешева. Новосибирск : Академиздат. 300 с.
- Илиополова, К. С. (2007) Свое и чужое как разные части социокультурного пространства // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 6 (142). С. 11–13.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1999) Тыва чаңчыл. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары [Тувинские традиции] : в 2 ч. Кызыл : Новости Тувы. Ч. I и II. 352 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы» ; Тувинское книжное издательство. 242 с.
- Комбу, С. С. (2012) Тувинская литература. Словарь. Новосибирск : Наука. 360 с.
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвистическая и транскультурные практики. Т. 18. № 4. С. 405–420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021c) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурус: субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса. 784 с.
- Маслова, В. А. (2021) «Образ мира, в слове явленный...» (на материале творчества поэта-билингва Бахыта Каирбекова) // Полилингвистическая и транскультурные практики. Т. 18. № 2. С. 176–184. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-176-184>
- Мижит, Л. С. (2022) Достижения тувинской литературы в советский период // Азиатские исследования: история и современность. № 1. С. 73–85. DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2022-1-73-85>
- Миниханова, Л. К., Фаткуллина, Ф. Г. (2012) Художественная картина мира как особый способ отражения действительности // Вестник Башкирского университета. Т. 17. № 3–1. С. 1626–1627.
- Монгуш, А. А., Бавуу-Сюрюн, М. В. (2020) Лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных текстах тувинских писателей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2 (вып. 40). С. 106–117. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117>
- Никитина, С. Е. (1991) О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука. 204 с. С. 117–123.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 400 с.
- Самдан, З. Б. (2019) Модификация архетипического образа тувинского шамана в творчестве М. Б. Кенин-Лопсана // Новые исследования Тувы. № 3. С. 158–171. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.13>
- Сироткина, Т. А., Ганущак, Н. В. (2019) Этнические образы манси и русских в региональной художественной литературе // Вестник угрюведения. Т. 9. № 2. С. 279–285. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-2-279-285>
- Степанов, Ю. С. (2004) Константы. Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический проект. 992 с.

Темиргазина, З. К. (2021) Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов // Полилингвистичность и транскультурные практики. Т. 18. № 1. С. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43>

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / О. Л. Львова, И. В. Октябрьская, Л. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Умарова, Г. С. (2016) Картина мира казахского этноса в творчестве В. Даля и О. Сулейменова // Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура: материалы Международной научно-практической конференции / сост. У. М. Бахтикиреева, Н. М. Джусупов, С. В. Дмитриук. М. : Издательство РУДН. 818 с. С. 773–778.

Чистик, Ж. К. (2010) Экологическая культура тувинского этноса / отв. ред. С. С. Курбатская. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 176 с.

Дата поступления: 10.02.2023 г.

Дата принятия: 20.02.2023 г.

REFERENCES

Berezovich, E. L. (2007) *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvistiicheskie issledovaniia [Language and traditional culture: Ethnolinguistic studies]*. Moscow, Indrik. 600 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (2009) *Zagadochnaia Tuva [The mysterious Tuva]*. Moscow, Izvestia Publ. 415 p. (In Russ.).

Dagylga: tuvinskie obriady osviascheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Esenova, T. S. (2011) «Zemlia» kak lingvokul'turnyi kontsept mental'nogo mira kalmykov [“Earth” as a linguocultural concept of the mental world of the Kalmyks]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (59), pp. 39–43. (In Russ.).

Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyi mir cheloveka cherez prizmu iazykov Sibiri [The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia] (2021) / ed. by N. B. Koshkareva and E. V. Tiutesheva. Novosibirsk, Akademizdat. 300 p. (In Russ.).

Iliopolova, K. S. (2007) Svoe i chuzhoe kak raznye chasti sotsiokul'turnogo prostranstva [One's own and someone else's as different parts of the sociocultural space]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 6 (142), pp. 11–13. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1999) *Tuva changchyl [Tuvan traditions]* : in 2 parts. Kyzyl, Novosti Tuvy. Parts I and II. 352 p. (In Tuv.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Raduga Tuvy ; Tuvan Book Publishing House. 242 p. (In Russ.).

Kombu, S. (2012) *Tuvinskaia literatura. Slovar' [Tuvan literature. Dictionary]*. Novosibirsk, Nauka. 360 p. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D. and Lamazhaa, Ch. K. (2021) Problemy perevoda kontseptov kul'tury na drugoi iazyk: na primere tuvinskikh kontseptov kul'tury [The problems of translating cultural concepts into another language: On the example of Tuvan cultural concepts]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Deti dlia tuvintsev: izmeneniia otnosheniia v sotsiokul'turnykh transformatsiia [Tuvans' views on children: Changes of the attitudes in socio-cultural transformations]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) *Ocherki sovremennoi tuvinskoii kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021c) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lukov, V. A. and Lukov, V. I. (2008) *Tezaurusy: sub'ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia [Thesauri: The subjective organization of humanities knowledge]*. Moscow, The National Institute of Business Publ. 784 p. (In Russ.).

Maslova, V. A. (2021) «Obraz mira, v slove iavlennyi...» (na materiale tvorcestva poeta-bilingva Bakhyta Kairbekova) [“The image of the world in the word appeared...” (Based on the creative work of the bilingual poet Bakhyt Kairbekov)]. *Polylinguality and Transcultural Practice*, vol. 18, no. 2, pp. 176–184. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-176-184>

Mizhit, L. S. (2022) Dostizheniia tuvinskoi literatury v sovetskii period [Achievements of Tuvan literature in the Soviet period]. *Aziatskie issledovaniia: istoriia i sovremennost'*, no. 1, pp. 73–85. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2022-1-73-85>

Minikhanova, L. K. and Fatkullina, F. G. (2012) Khudozhestvennaia kartina mira kak osobyi sposob otrazheniia deistvitel'nosti [An artistic picture of the world as a special way of reflecting reality]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 17, no. 3–1, pp. 1626–1627. (In Russ.).

Mongush, A. A. and Bavuu-Syuryun, M. V. (2020) Leksicheskie reprezentatsii kontsepta «Rodina» v stikhotvornykh tekstakh tuvinskikh pisatelei [Lexical representations of the concept of Motherland in poetic texts of Tuvan writers]. *Iazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, no. 2, issue 40, pp. 106–117. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117>

Nikitina, S. E. (1991) O kontseptual'nom analize v narodnoi kul'ture [Conceptual analysis and folk culture]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty [Logical analysis of language. Cultural concepts]* / ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Nauka. 204 p. Pp. 117–123. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: Sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka. 400 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2019) Modifikatsiia arkhетipicheskogo obraza tuvinskogo shamana v tvorcestve M. B. Kenin-Lopsana [Modifications of the archetypal image of the Tuvan shaman in the works of M. B. Kenin-Lopsan]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 158–171. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.13>

Sirotkina, T. A. and Ganushchak, N. V. (2019) Etnicheskie obrazy mansi i russkikh v regional'noi khudozhestvennoi literature [Ethnic images of the Mansi and Khanty in regional fiction]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 9, no. 2, pp. 279–285. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-2-279-285>

Stepanov, Yu. S. (2004) *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury [Constants. Dictionary of Russian culture]*. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, Akademicheskii proekt. 992 p. (In Russ.).

Temirgazina, Z. K. (2021) Transkul'turnost' i ee proiavlenie v poetike liricheskikh tekstov [Transculturalism and its manifestation in the poetics of lyric texts]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 1, pp. 29–43. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43>

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The material world] (1988) / E. L. Lvova, I. V. Oktiabrskaiia, A. M. Sagalaev and M. S. Usmanova. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 225 p. (In Russ.).

Tuvintsy: Rodnye liudi [Tuvans: Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).

Umarova, G. S. (2016) Kartina mira kazakhskogo etnosa v tvorcestve V. Dalia i O. Suleimenova [Picture of the world of the Kazakh ethnic group in the works of V. Dahl and O. Suleimenov]. In: *Sovremennye problemy tiurkologii: iazyk — literatura — kul'tura [Contemporary problems of Turkology: Language — literature — culture]*: Proceedings of the International science-to-practice conference / comp. by U. M. Bakhtikireeva, N. M. Dzhusupov and S. V. Dmitriuk. Moscow, RUDN Publ. 818 p. Pp. 773–778. (In Russ.).

Chistik, Zh. K. (2010) *Ekologicheskaiia kul'tura tuvinskogo etnosa [Ecological culture of the Tuvan ethnic group]* / ed. by S. S. Kurbatskaia. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 176 p. (In Russ.).

Submission date: 10.02.2023.

Acceptance date: 20.02.2023.